

Матушка назвала лишь пять фамилий, но в итоге вошло десять человек — Цуй Мин-дэ привела свою двоюродную сестру Цуй Люэр, Ван Пин — сводную сестру Ван Вань, Фан Цинян — родную сестру Ши Инян, Пэй Ланьшэн — двоюродную сестру Дугу Минь, а Вэй Сынян Вэй Хуань пришла вместе со старшей сестрой Вэй Синь. Каждая привела служанку и множество сундуков, и вся эта толпа с шумом вступила во дворец. Мой скромный боковой чертог оказался слишком мал, чтобы всех вместить.

После совета с отцом матушка решила переселить меня в чертог Пэнлай, а для учёбы отвести зал Чжуцзин. Все девушки разместились в боковых покоях Пэнлая и Чжуцзина, разделив со мной повседневную жизнь.

Ли Жуй завидовал так, что глаза покраснели. Несколько дней он крутился вокруг меня, ворча, что мне позволено занимать два чертога, а родители явно проявляют пристрастие. Я покосилась на него: «Разве эти девушки вправду мои спутницы? Разве отец и матушка не приложили столько усилий ради тебя? Не будь неблагодарным, а то я скажу матушке, чтобы она сосватала тебе Цуй Мин-дэ — вот тогда заплачешь!»

Ли Жуй поспешно взмолился о пощаде. Цуй Мин-дэ, хоть и была первой красавицей, оказалась не по его вкусу. Пэй Ланьшэн казалась ему слишком строгой. Он долго выведывал моё мнение, сначала колеблясь между красавицами Фан Цинян и Ван Пин, но после нескольких игр с Вэй Хуань восхитился её мастерством и теперь пребывал в полной нерешительности. Однако кем бы он ни увлёкся, для заключения брака ему всё равно потребовалась бы моя помощь, и он это прекрасно понимал. Поэтому в последнее время он относился ко мне ещё лучше, осыпая подарками и называя «сестричкой» с теплотой, превосходящей даже отношение к прежним возлюбленным.

Его поведение вызывало у меня лишь презрение, и я часто отпускала едкие замечания. Но он, обладая терпением, лишь улыбался, продолжая крутиться рядом и глазеть на красавиц.

Родители не предъявляли к нам с Ли Жуюем высоких требований, в отличие от старшего брата, наследного принца. Его недавно отправили в Лоян, и перед отъездом он с грустью прощался с нами. Ли Жуй, выпрашивая подарки, уклонялся от его попыток погладить по голове, а я, напротив, с радостью прижалась к нему. Внешность старшего брата была мне по душе — учтивый, мягкий. В прошлой жизни я мечтала о таком парне. Теперь же этот высокий и богатый красавец стал моим братом, и, лишённая возможности стать его возлюбленной, я могла лишь пользоваться своим положением, чтобы наслаждаться его вниманием.

— Что хочет Сыцзы? — с улыбкой спросил старший брат, поднимая меня на руки. Несмотря на худощавость и хрупкий вид, он был удивительно силен — поднять меня ему не составило труда. Хотя он ещё не был женат, уже отпустил бороду, что придавало ему некоторую старческую строгость, хотя главной причиной усталого вида были глубокие тёмные круги под глазами.

— Братец, ложись спать пораньше, — потрогала я его бороду.

Он опустил меня, улыбаясь:

— В последнее время много дел, но скоро всё наладится.

— Если братец будет спать пораньше, всё и будет хорошо, — пробормотала я.

Он похлопал меня по голове, легко отмахнувшись от слов. Когда наследный принц покинул столицу, отец выражал сожаление, а матушка, казалось, оставалась равнодушной. Вечером она устроила небольшой пир, пригласив всех моих спутниц, включая Ли Жуюя.

Не в силах смотреть на его похотливое поведение, я, пользуясь благосклонностью матушки, подошла к её столу и выпила вино из её кубка. Матушка обняла меня, а после того как я допила, велела подать охлаждённый напиток. Подошедшая служанка показалась знакомой.

— Ты её помнишь? — улыбнулась матушка.

Я внимательно посмотрела, но не могла вспомнить.

— В переулке Юнсян, когда укрывались от дождя. Неужели забыла? — с лёгким упрёком сказала матушка.

Я вдруг осознала:

— Ты та самая Чжэн Ванъэр!

Руки Чжэн Ванъэр дрогнули, посуда зазвенела, но, к счастью, ничего не разбилось. Она опустилась на колени.

— Служанка Шангуань Ванъэр просит прощения у принцессы.

Я замерла. Имя Шангуань Ванъэр было слишком известно, и я не сразу осмыслила его.

Матушка не спеша взяла с подноса охлаждённый напиток и поднесла мне. Я машинально сделала глоток, а затем, увидев презрительный взгляд Ли Жуя, вспомнила, что опять невольно проявила детскость. Однако матушке это понравилось: она, похлопав меня по спине, как младенца, убаюкала. Я прижалась к ней, обняв её левую руку, и молча наблюдала за Шангуань Ванъэр. Та была покрыта потом, капли падали на пол, но лицо оставалось спокойным — стоя на коленях, она не шелохнулась.

Я не могла не восхититься её смелостью.

Матушка смотрела на неё некоторое время, а затем равнодушно произнесла:

— Выйди и стань на колени за дверью, чтобы не портить настроение в чертоге.

Шангуань Ванъэр поклонилась и, поднявшись, вышла.

В чертоге продолжались танцы, и все делали вид, что ничего не заметили. Только Ли Жуй, действительно ничего не видевший, глупо улыбался, наблюдая за танцовщицами. Матушка вздохнула:

— Не давайте шестому принцу слишком много вина.

Служанки спустились и заменили его кубок.

Я выглянула наружу, затем посмотрела на матушку. Её осведомлённость о происходящем вокруг меня пугала, но я всё же нахально похвалила:

— Если бы не матушка, меня бы обманули.

Матушка улыбнулась:

— Она дочь преступника, отданная в служанки, поэтому взяла фамилию матери, Чжэн. Это не совсем обман.

Я притворилась, что не понимаю:

— Тогда почему матушка наказала её?

Матушка с любовью посмотрела на меня, вытерла капли с моего рта:

— Я хочу использовать её, поэтому сначала нужно сломить её гордость.

— А, — сделала вид, что поняла, я повернулась к танцам.

Сидеть на коленях было утомительно, и я раздвинула ноги. Матушка не стала меня останавливать, лишь крепче обняла. Через некоторое время она спросила:

— Сыцзы любит старшего брата, наследного принца?

Я равнодушно ответила:

— Конечно, старший брат самый лучший, он всегда приносит мне подарки.

— Что он тебе приносит?

— Всё что угодно: красивые безделушки, книги, шёлк. А матушка разве не любит старшего брата?

Матушка обняла меня:

— Старший брат — мой сын, конечно, я его люблю.

— Ну да, — не придавала я этому значения, лишь откинула голову назад, вдыхая её аромат.

Хотя я всё ещё чувствовала себя чужой в этой эпохе, но, возможно, из-за того, что жила в её теле, испытывала к ней некую близость. Иногда, когда не могла уснуть, накидывала одежду и приходила к ней, засыпая под этот аромат. Матушка всегда относилась ко мне хорошо. В моём присутствии она не казалась величественной императрицей, а была просто обычной женщиной средних лет, разве что более элегантно и мудрой.

Когда пир был в разгаре, пришёл отец. Я перебралась с рук матушки на его колени. Он, как и старший брат, поднял меня:

— Сыцзы слишком лёгкая. Ты сегодня плохо ела?

Это была настоящая несправедливость.

— Я съела много супа с лапшой!

Но матушка разоблачила меня:

— А мясо всё вытащила, и говоришь, что много ела!

Отец покачал головой:

— Эх ты...

На его лице читалось типичное для мужчины средних лет сочетание беспомощности и нежности к младшей дочери.

Ли Жуй, недовольный тем, что я отнимаю внимание родителей, вызвался танцевать с мечом, чтобы их развлечь. Мы, конечно, не возражали. Он вытащил меч и начал изящно двигаться. Не то случайно, не то намеренно клинок прошёл возле лица Цуй Мин-дэ. Та, не изменившись в лице, продолжала пить. Вэй Синь и несколько дочерей из семей Ван и Пэй вскрикнули. Ли Жуй, усмехнувшись, повернул меч, создав перед лицом Фан Цинян плотную сеть из клинков. Хотя её лицо оставалось спокойным, я заметила, как её пальцы сжались, и костяшки побелели.

<http://bllate.org/book/16278/1465839>